

Стремление к бесконечной красоте

116

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

ПОЧТИ двадцать лет назад мы, десяток начинающих литераторов, собрались на восьмом этаже Дома прессы у заметенной Казанки, в просторном кабинете главного редактора молодёжной газеты «Комсомолец Татарии», чтобы почитать вслух свои стихи и рассказы, а затем выслушать замечания друг друга и заключительный вердикт известного писателя, лауреата Государственной премии РТ им. Г. Тукая, в то же время – совсем не патриаршего вида, темноволосого, полного энергии и вдохновения Мастера. Так, с декабря 1979 года, начинала работать «Литературная мастерская» при молодёжной газете, и так начиналось знакомство, а далее и дружба наша с писателем и мыслителем, бывшим геологом Диасом Валеевым. Впрочем, стал он известен мне гораздо раньше, когда в 1972-м, возвращаясь из армии, в Москве я пошёл в Театр Ермоловой и с удивлением обнаружил, что в тот самый день даётся спектакль «Дарю тебе жизнь» по пьесе – надо же! – земляка-казанца Диаса Валеева. Спустя почти полвека подумалось: судьба порой предоставляет человеку знаки, сигналы о твоём дальнейшем жизненном пути и главных его спутниках.

Вернувшись со службы в армии, секретарствовал я в упомянутой моло-

дёжке, где в своё время работали журналистами впоследствии известные казанские литераторы Геннадий Паушкин, Николай Беляев и, наиболее вспоминаемый в редакции, Диас Валеев. И вот в этой обители будущих писателей нашла приют «Литературная мастерская», где Мастером был Диас Назихович и где публиковал он свои первые рассказы.

Не буду вдаваться в подробности, но «Литмастерская» начала выдавать в свет коллективные сборники за сборником, а затем и индивидуальные авторские книги прозы. Да, «Мастерская» в большей мере специализировалась на прозе, что в мире литобъединений было явлением весьма не распространённым, а с другой стороны, и понятным – Диас Валеев сам ведь был прозаиком, драматургом...

Главной чертой его характера было то, что он, в отличие от многих своих именитых коллег, умел слушать, выслушивать. Он с удивительным вниманием и интересом относился к сколь-либо подающим надежды авторам, к их судьбам, намерениям, рукописям. Рассказы, повести молодых борзописцев Мастер поглощал с жадностью изголодавшегося по большой литературе книгочеха, будто рукопись ему принёс сам Достоевский, которого он почитал более всего. Разговоры с Диасом Низиховичем

заносили нас далеко за обычные в нашем кругу издательские, злободневные и всякие подобные тому темы. Кроме истории, литературы, он хорошо знал религиозные и философские направления общечеловеческой мысли. Да и сам был мыслителем, философом. Но, повторяю, если и не согласен был с тобой, всё равно умел выслушивать, не обижаясь, не взрываясь, не подавляя авторитетом.

Летними погожими днями он соседски просто захаживал ко мне на дачный участок в Займище, и мы за разговорами гоняли чай. С занятий «Литмастерской» мы с ним постоянно возвращались домой пешочком вместе, так как жили друг с другом рядом, и опять же разговаривали. И у него дома за чашкой чая тоже говорили, говорили... Он весь, с головой, был в литературе. Казалось, вся действительная жизнь была для него лишь поводом для литературного творчества. Мировая литература, говорил он, свидетельствует, что сочинённая реальность зачастую реальнее и долговечнее подлинного бытия, красота, создаваемая человеком, по большому счёту, призвана соперничать с природой, с творениями Бога. Понятие красоты он трактовал весьма широко. Она – не только «Джоконда» или «Венера Милосская», это и добрый поступок, и победа в изнурительной борьбе с невежеством, хамством, деспотизмом... Классическую максиму «красота спасёт мир» он начертал на своём знамени.

Идея в литературном произведении для него была важнее стилистики, образности, выверенности письма... Потому-то Достоевского и ставил для себя он выше всех прочих литературных вершин. Он размышлял о человеке большой воли и сильного характера, личности, приближающейся к Богу, о его мегапоступках, которые были бы выше силы земного притяжения и смерти. Это я заметил ещё по ранней пьесе «Дарю тебе жизнь», удостоенной позже Тукаевской премии.

Помню его в зените славы, когда его пьесы ставились на подмостках бук-

вально всех театров Советского Союза, и на ступенях плавного схода всеобщего признания. На вечере, посвящённом 80-летию писателя, который прошёл в сентябре с. г. в музее Горького и Шляпина и который собрал полный зал почитателей его таланта, речь нет-нет да и заходила о современной недооценке творчества писателя. С сожалением замечалось, что, несмотря на выходящий в Таткнигоиздате восьмитомник его произведений, творчество писателя в наши дни остаётся как бы не востребованным. А накануне я посмотрел фильм «Реванш Вермеера», где говорилось о творчестве великого голландского живописца и о всемирном признании художника лишь через столетие после его смерти. И то волей случая, с подачи одного пытливого коллекционера. В итоге художник замкнул великую голландскую тройку – Рембрандт, Халс, Вермеер. Что я хочу сказать этим? Только то, что искусство не математика, не физика, не бег на стометровке, и победители в нём не так очевидны и в немалой степени зависят от банального стечения обстоятельств. «Что сильнее – человек или обстоятельства?» – задавал свой сакральный вопрос Диас Валеев. И призывал: надо быть сильнее, выше обстоятельств. К сожалению, жизнь показывает, борьба в этом вопросе идёт с переменным успехом.

Тем не менее, следуя своим принципам борьбы с обстоятельствами, Диас Назихович помогал многим и советом, и делом. Здесь и социальные вопросы, вплоть до бытовых, и творческие, и издательские. Его равнодушию к судьбе ближнего, тонкому пониманию настоящей литературы, его вмешательству в пресловутые обстоятельства обязаны своим выходом в свет поэтические книги неординарного, но беспечного к своему творчеству казанского поэта Юрия Макарова. Эти книги Диас Назихович сам составил, написал предисловие к ним и добился включения в издательские планы.

Обязан писателю своим возникновением у подножия Казанского Кремля

и памятник благотворителю Асгату Галимзянову, которого прежде, чуть было, не засудили за «незаконное предпринимательство». Дело в том, что возчик гужевой повозки Галимзянов откармливал отходами с Колхозного базара скот, а суммы с продажи мяса тратил на детские дома – перечислял напрямую деньги, дарил пассажирские автобусы, автомобили «Нива», не говоря уж о тёплой одежде, овощах, фруктах... Не забывал он и чернобыльцев, и семей погибших моряков подводной лодки «Курск». Диас Назихович встал на защиту бессребреника-донкихота, опубликовал о нём в московском журнале «Смена» цикл материалов. В итоге Асгат Галимзянов был оправдан, мало того – стал одним из почитаемых людей города и, как видим, удостоился даже памятника. А не было бы Диаса Назиховича?

О правозащитной деятельности Диаса Валеева можно написать отдельную статью. Он спасал незаконно привлечённых к суду, вмешивался в

судебные процессы... Он борцом был и, как видим, не только на личном фронте.

Со временем в произведениях писателя стала преобладать политика, его богоискательство постепенно превратилось в богостроительство. Не всё однозначно воспринималось в его творчестве, религиозных и политических взглядах. Но он неуклонно, с упорством Сизифа отстаивал свои позиции.

Диас Назихович Валеев родился в деревне с многозначительным названием «Казанбаш» Арского района Татарстана. Повторюсь, судьба порой предоставляет человеку знаки о твоём предназначении. На мой взгляд, знак, данный ему малой его родиной, во многом предопределил будущность писателя.

И небольшой рассказ Диаса Валеева, опубликованный в этом выпуске альманаха, как в капле росы, отражает, основополагающие черты всего многогранного творчества и уникальности его личности.

Сергей Квасов

Владимир Лавришко: камень за пазухой

реплика по поводу

БОЛЬШАЯ литература не может быть однозначной. Но неоднозначность восприятия – это одно. А вот открытое злопыхательство автора – совсем другое. Надо же, именно в юбилейный год известного писателя, публициста, мыслителя, лауреата Тукаевской премии, давно оставившего земную юдоль, под

рубрикой «Юбилей писателя» выступил местный сочинитель В. Лавришко со статьёй «Диас Валеев: его дело и место», в которой натужно пытался доказать, что юбиляр просто-напросто конъюнктурщик и конформист. В ней также топорно намекалось на причастность известного ведомства к началу «восхождения»